

УДК 81-112.2

И. Ю. Иеронова, М. И. Прозорова

**КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НЕКОТОРЫХ КОГНИТИВНЫХ
ТЕОРИЙ СЕМАНТИКИ В КОНТЕКСТЕ
ДИНАМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ А. Ф. ЛОСЕВА**

147

Содержится обзор и критический анализ некоторых теорий когнитивной семантики, в частности теории прототипов и теории «динамического конструала». Устанавливается, что истоки теории динамической концептуальной семантики сформулированы в трудах А. Ф. Лосева и ментальной грамматики Г. Гийома.

The article provides a critical analysis of some cognitive semantics theories, particularly the prototype theory and the theory of dynamic construal. It is stated that the source of the theory of dynamic conceptual semantics were formulated in the works by A. F. Losev and G. Guillaume's mental grammar.

Ключевые слова: инвариант значения, прототип, категория, концепт, понятие, семантема, концептуализация, динамический конструал, интерпретация, инференция.

Key words: invariant meaning, prototype, category, concept, notion, semanteme, conceptualisation, dynamic construal, interpretation, inferention.

В современной научной языковой парадигме особое значение приобретают проблемы, связанные с тем, что классические модели не способны объяснить потенциальную возможность лексического значения вести к выводному знанию. Приписывание значения слову даже при отсутствии некоторых определительных свойств позволяет трактовать значение как основывающееся на выводном знании, а не на идентичности. Таким образом, эффективное функционирование языка напрямую зависит от его динамичности и пластичности.

Язык как семиотическая система, включающая конечное число дискретных единиц, как конечный набор символов должен описывать бесконечный континуум нашего неязыкового опыта. В основе отношения сигнификации имеет место противоречие между континуальным характером пространства жизненного опыта и мира, которое требуется обозначить, и дискретной природой инструмента такого обозначения.

Данное противоречие, с одной стороны, обуславливает изначальную динамичность языкового знака (его пластический характер), который должен периодически трансформироваться, чтобы приспособиться к новым возможным конфигурациям, а с другой — ведет к соответствующим изменениям, которые нередко претерпевает языковой знак в процессе подобного пере моделирования. Отношение, которое таким образом устанавливается между выражением и содержанием, — динамичное и выводное, каждый знак является открытой, хотя и не недетер-

минированной, референцией к некоторому набору разнообразных возможных актуализаций. Это свойство языкового знака, важное для его функционирования, теряется, если выражение и содержание жестко связаны между собой на основе предварительно установленного правила соотношения в соответствии со статичным принципом, который не оставляет места для выводного знания.

Особое значение приобретают вопросы о выводном знании — инференции — и тех когнитивных процессах и механизмах, которые позволяют нам эффективно коммуницировать.

Представители когнитивной семантики предлагают различные теории, объясняющие выводное знание: так, Р. Лангакер употребляет концепты «профиль», «база», «домен». Под профилем понятия подразумевается обозначающее его слово, «база» есть энциклопедическое знание о том, что это понятие обозначает. Знание профиля дает нам только некий фрагментарный характер. В том случае, когда одна база присуща различным профилям, образуется «домен». Знание базы и / или домена, к которому относится профиль, значительно расширяет наши эвристические способности и позволяет нам выводить смысл [19, р. 59].

Другой подход предлагает когнитивный психолог Э. Рош, выдвинувшая теорию прототипов. Согласно ей, структура многих естественных лексических категорий ступенчата, то есть в ней существуют прототипы, которые «лучше соответствуют» данной категории, чем остальные. Например, для большинства людей эталонным примером категории «птица» будет являться скорее воробей, чем курица. По мнению автора, можно утверждать, что в структуре категорий есть центральные и периферические члены [21, р. 328 – 350].

Данная тема была продолжена Д. Лакоффом, который считает, что некоторые категории связаны друг с другом лишь посредством так называемого семейного сходства. Таким образом, кроме классических категорий, основанных на необходимых и достаточных условиях, существует еще по меньшей мере два других вида категорий: генеративные и радиальные.

Генеративные категории — это те, которые могут быть созданы путем нахождения центральных случаев использования и применения определенных критериев для обозначения принадлежности к категории. Принцип подобия — пример одного из правил, на базе которых из прототипа образуется более широкая категория.

Радиальными категориями являются общепризнанные, но не всегда соответствующие правилам категории. Согласно Д. Лакоффу, понятие «мать», например, объясняется с точки зрения ряда условий, достаточных или нет, которые могут включать следующее: состоит в браке, всегда была женщиной, родила ребенка, предоставила ему половину его генов, воспитывает ребенка, замужем за генетическим отцом ребенка, на одно поколение старше ребенка, его законный опекун. Любое из вышеуказанных условий может быть не реализовано: например, «мать-одиночка» не состоит в замужестве, а «суррогатная мать» вовсе не обязательно проявляет заботу. Если собрать все эти аспекты вместе, то хотя они и образуют некий прототипный образ матери, но тем не менее не

очерчивают точных границ категории. То, какое именно значение будет центральным, конвенционально устанавливается конкретным сообществом пользователей языка [18, р. 176–177].

В настоящее время выводы, сделанные как классическими теориями, так и теорией прототипов относительно структуры категорий, подвергаются сомнению. Ряд когнитивных семантиков (Мур, Карлинг, Лакофф, Крофт, Круз) выдвигает теорию «динамичного конструала» (другими словами, динамической семантики), в которой утверждается, что структура категорий всегда создается в режиме реального времени, следовательно, категории не имеют структуры вне контекста использования [5, с. 5–6]. При этом контекст понимается ими в самом широком значении (ситуация общения, социальные параметры, контекст культурный, исторический, институциональный, дискурсивный и т.д.). Следует отдать должное В.И. Заботкиной, которая не калькирует иностранный термин (как в ряде отечественных работ, посвященных изучаемому вопросу), а предлагает свой вариант — «динамический конструктор» (см. по данному поводу статью Е.Л. Боярской [2, с. 27]).

Как мы считаем, все приведенные теории не отвечают на главный вопрос — какие конкретно когнитивные процессы и механизмы играют в роль в концептуализации и категоризации действительности? Теорией динамического конструктора языковая единица рассматривается как подвижный, динамичный конструктор, а его языковое значение строится в режиме реального времени.

Такой подход, на наш взгляд, ставит под сомнение наличие семантического инварианта у слова как знака, его репрезентирующего, и лишает язык онтологического статуса, что в итоге ведет к полному релятивизму.

Другой подход, основанный на диалектике, мы находим в трудах А.Ф. Лосева, который одним из первых, по сути, выдвинул теорию динамической концептуальной семантики (у Х. Куссе — «интерпретирующей семантики»). По А.Ф. Лосеву, теория именованности (языка) настолько сложна и многоступенчата, что слово (имя) у него включает 67 моментов, диалектически связанных между собой [13, с. 740–742]. Философ показывает сложный диалектический путь воплощения сущности в слове, при этом исходя из принципа взаимоопределения сущего, меона и физической энергемы слова. Данный тезис особенно актуален в рамках современной дискуссии, ведущейся в лексической семантике и когнитивной лингвистике, об инвариантном значении слова как пучке дифференциально-семантических признаков и его вариативных значениях, о выделении в слове общего (наиболее абстрактного) и основного значений, о прототипе и концепте. А.Ф. Лосев считает, что сущность проходит различные стадии своего полного воплощения в меоне, и называет это разной степенью осмысления слова. Он подчеркивает диалектическое единство смысла слова на стадиях своего воплощения в инобытии. Так, ученый пишет: «...слово, или имя, взятое в полном своем смысле и значении, содержит в себе все подчиненные типы, превосходит их высшим осмыслением и соединяет в единый организм жизни слова» [13, с. 656]. Без такого единства понимание вещи через ее имя (слово, которым она обозначается) не было бы возможно. Очень важно в указанном положении, что у А.Ф. Лосева язык — это

живая, динамическая система, находящаяся в постоянной текучести, постоянном движении. При этом в философии языка ученого значение понимается и как инвариант, и как коммуникативная функция одновременно (диалектическое единство). Более того, инвариантное значение слова выступает в качестве некоей порождающей модели дальнейшего бесконечного смыслового приращения.

Интересно, что идею о взаимовлиянии языка и мышления, только в иной интерпретации, приводит в работах Г. Гийом. Так, исследуя влияние языка на мышление, он считает, что последнему свойственна турбулентность, как и самой действительности, именно язык привносит системность в мышление, способствует процессу концептуализации и категоризации. Но, согласно Г. Гийому, эта системность не статична. По его мнению, язык представляет собой своего рода механизм мышления для перехвата собственной деятельности. Язык фактически производит срезы мышления и оформляет их (овеществляет ментальное, закрепляя осмысленное концептуально, категориально и фонетически) на определенном временном срезе. Г. Гийом выдвигает революционное для того периода положение о *непрерывном порождении (каузации) языка*, при этом оно во времени продолжается от одного систематизированного конструкта (система языка 1) к последующему (система языка 2) и так далее через дифференциальную обработку предыдущего конструкта, представляя собой систему систем [4, с. 65–68]. Основная цель ученого заключалась в исследовании тех механизмов, которыми оперирует мышление для подобного рода перехвата. Мыслительные операции, которым человеческий ум обязан своими возможностями, те же, что он использует для построения языка: два типа движения в мышлении и в языке — обобщающее движение, направленное в сторону всеобщности, и противоположенное ему конкретизирующее — в сторону единичности. Применяя терминологию современной когнитивной парадигмы, Г. Гийом одним из первых ставит проблему изучения *когнитивных процессов*, задействованных в процессе категоризации действительности, процессах перевода представления в мысль, а мысли — в язык (ментализм как языковой субстрат).

Следует отметить, что А. Ф. Лосев в поздних работах рассуждает о языке как о потоке сознания, обращает наше внимание на самую главную функцию языка — *всеобщее предсказание*, причем данный процесс, по философу, начинается уже на фонетическом уровне, только в отличие от синтаксического уровня имеет свернутый, имплицитный характер [7, с. 91]. По мнению Х. Куссе, развитую А. Ф. Лосевым особую теорию инвариантности можно назвать *семантикой интерпретации* [10, с. 295–302].

Теория значения претерпела определенные модификации в работах А. Ф. Лосева раннего и позднего периода. Если в ранних трудах значение понимается ученым как семантический узел, который в потоке речи (высказывании, рассказе или же мифе) развертывается, то в поздних произведениях, таких, как, например, «Языковая структура» (1983), философ видит в инвариантных значениях лексем или грамматических категорий интерпретации мира, к которым говорящий при использовании данных категорий присоединяется. Главная идея здесь заключается в том, что значение формируется и стабилизируется в са-

мом общения. Это во многом сближает идеи позднего Лосева с теорией динамической концептуальной семантики («теорией динамического конструала»), однако у него концепт в потенции (инвариантное значение — нозма и эйдос как его меональное воплощение) содержит все возможные интерпретационные оттенки смысла (оценочные, коннотативные, ассоциативные и т.д.).

Из вышеуказанного следует главное относительно лосевского понимания значения; и оно состоит в том, что настоящее значение слова, имени или мифа представляет собой *сущность* обозначаемого предмета, а не просто некую отвлеченную форму, которая несет в себе лишь сематический потенциал и указывает на концептуальную структуру. Реальное значение, возникающее в дискурсе, строится по мере развертывания дискурса [9].

Согласно А. Ф. Лосеву, языковой знак есть акт не только мысли, но определенного понимания связанных с этим знаком актов мысли, той или другой интерпретации акта мысли, и в силу этого оказывается заряженным бесконечными семантическими валентностями. С позиций А. Ф. Лосева, любое слово может быть прочитано как некое предложение (текст): «...даже без всякого использования данного слова в качестве указания на какой-нибудь предмет оно все же не есть отдельное и изолированное слово» [8, с. 157].

У А. Ф. Лосева как онтологизм и предположение инвариантности, так и коммуникативное понимание значения не исключаются, а трактуются как две стороны одной медали, в диалектическом единстве. Как справедливо замечает Л. Аубургер, особый характер вариативности, во-первых, сделал бы невозможной и когнитивную обработку восприятия действительности, и коммуникацию, а во-вторых, это бы привело к исчезновению самой вариативности — ее восприятие все-таки всегда зиждется на осознании одновременной стабильности варьируемого [17, р. 31]. Тем самым нам приходится иметь дело с диалектикой тождества и различия (диалектика тождества и различия слова или грамматической категории) как условием осуществления коммуникации: «Только благодаря... живой диалектике тождества и различия слова или грамматической категории, только благодаря этой живой диалектике сущности и явления в области семантики и возможно общение между людьми, возможно сообщение о предметах и явлениях» [11, с. 17–18, 167–178, 212–214].

Именно данное диалектическое противоречие стабильности (инвариантности) и изменчивости (турбулентности) в языке (в широком понимании этого термина, относящегося к живой коммуникации), отмеченное А. Ф. Лосевым и Г. Гийомом, пытаются разрешить, однако не всегда удачно, представители когнитивной семантики. Они отказываются от спорного понятия инварианта и заменяют его понятием *прототипов* — ментально и зачастую образно заданных человеческих представлений, своего рода иконок, репрезентирующих определенные категории (эйдосы, по А. Ф. Лосеву). При их помощи формируются концепты вещей (нозмы у А. Ф. Лосева), которые познаются целостно и не сводятся к набору отдельных и изолированных друг от друга инвариантов. Так, А. Е. Родионова указывает на близость понятий концепта и гуссерлевской нозмы в изложении А. Ф. Лосева. В «Философии имени»

он рассматривает ноэму как «форму присутствия предметной сущности... в инобытии», при этом под последним «мыслится человеческое или иное сознание» [13, с. 78–83].

Парадокс инвариантности и вариантности преодолевается не только когнитивными понятиями прототипа или концепта. Он возможен, по мнению А. Вежбицки, и в рамках компонентного анализа. Она считает, что между описанием значения, выступающим в качестве набора семантических признаков, и определением значения, являющимся прототипным представлением, не следует видеть противоречий [22, р. 347–367]. В связи с этим Р. Познер для объяснения феномена инвариантности предлагает свою теорию максимализма и минимализма языкового кода [20, р. 219–246]. В первом случае количество семантических признаков максимально большое. Поэтому предполагается принципиальная полисемия всех знаковых форм, которая устраняется лишь в потоке коммуникации, то есть контекст выступает как семантический фильтр. Он служит моносемизации естественной полисемии знака. Эта мысль, по сути, выражена уже в ранних работах А. Ф. Лосева и не нова. В данном широком определении инвариантности остается проблематичным то, что число семантических признаков не только трудно обозримо, но и в принципе не исчислимо. Как справедливо замечает философ, «таких единичных значений знак может иметь бесконечное количество» [12, с. 5–232].

Именно аргумент о безграничности семантических оттенков и варьирований А. Ф. Лосев применяет в полемике против математических (квантитативных) методов в языкознании. Даже простой звук человеческой речи, по его теории, настолько бесконечен по своим артикуляционным и акустическим свойствам, что для него возможны только самые общие математические обозначения, и их невозможно выразить во всех их оттенках методами математики [11].

Х. Куссе отмечает: так как семантические оттенки бесконечны, предположение максимализма кода приводит к отрицанию устойчивого значения. В противовес этому теория инвариантности избегает проблем бесконечности значений знаковых форм и, как следствие, релятивизма в языке, который из данного положения вытекает. На основе минимализма кода здесь констатируется лишь довольно ограниченное или даже единичное инвариантное значение, не меняющееся в любых формах употребления соответствующей знаковой формы. В рамках минимализма кода следует различать два типа значения: *общее* и *основное*. О них говорит известный аспектолог и представитель функциональной грамматики А. В. Бондарко [1, с. 169]. Согласно его теории, общее значение отличается высокой степенью отвлеченности и должно охватывать все частные значения знака; основное значение, также присутствующее во всех употреблениях знака, должно быть фундаментальным и представлять семантическое ядро, хотя ему не свойственен «всеохватывающий» характер. Основное значение конкретно и может быть даже весьма узко. В случае общего значения контекст, как и при максимализме кода, выступает в роли фильтра, однако делает он это не моносемируя полисемический знак, а конкретизируя отвлеченное значение [10, с. 295–302].

Нам также кажется существенным подчеркнуть надкультурный, надязыковый и надсемиотический характер противопоставления ноэмы, как явленной в представлении человеческого разуму сущности (ментальный, психофизиологический субстрат), и ее конкретного (меонального) воплощения в национальном языковом сознании, закрепленном в языковом знаке (его когнитивном компоненте: интенционале и экстенционале).

Так, ноэма «портной» включает в свое общее значение такие фундаментальные семантические признаки, как снимать мерки (измерять рост), кроить (вырезать ножницами), шить (конкретные изделия), а в национальных европейских языках в своем меональном воплощении (основном значении) актуализирует один из вышеуказанных признаков в процессе номинации: во французском языке — «tailleur» (тот, кто снимает мерки — измеряет), в немецком — «Schneider» (тот, кто кроит, вырезает ножницами), а в русском — «портной» (тот, кто шьет портки).

Таким образом, с нашей точки зрения, проблема общего и основного значений в свете концепции А. Ф. Лосева приобретает иной масштаб измерения — теoантропокосмический (именно так характеризует языковую теорию языка философа В.И. Постовалова) [14]. Ноэма (как некий предельно обобщенный и потенциальный концепт / понятие, включающий вероятные, всевозможные актуализации в рамках данной ноэмы) принадлежит космосу, Первосущности, а ее конкретная меональная актуализация — национальному языковому сознанию. Более того, представляется, что если бы мы могли исчислить все мыслимые и актуализированные смысловые воплощения вещи (предмета, явления) во всех языках, то очень близко подошли бы к сакральному знанию об идеальном (неявленном нам в ощущениях и представлениях в национальной наивной языковой картине мира) мире, возможно, к созданию архетипической картины мира как общей проекции Абсолюта во вневременном (панхроническом) пространственном континууме.

В определенной степени очень близкие идеи лосевскому пониманию указанного противопоставления предлагают представители культурологического направления в когнитивной лингвистике, к которым относится С.Г. Воркачев. По его мнению, из признания концепта планом содержания языкового знака следует, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего это указания на место, занимаемое данным знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи — то, что Ф. Соссюр называет «значимостью» и что в конечном итоге отражает лингвистическую ценность внеязыкового объекта, проявляющуюся в соответствии с законом синонимической аттракции в семантической плотности той или иной тематической группы.

В семантический состав концепта входит также *вся прагматическая информация языкового знака*, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, к которым он отправляет. Еще одним высоковероятным компонентом семантики языкового концепта является *когнитивная память слова* — смысловые характеристики язы-

кового знака, относящиеся к его исконному предназначению и системе духовных ценностей носителей языка. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую (наивную) картину мира его носителей» [3, с. 64–72].

Другой подход к разрешению проблемы о наличии инвариантного значения предлагают И.П. и А.А. Сусовы. По их мнению, человеческий опыт группирует концепты в большие и малые классы, своеобразные концептуальные поля. Он подводит их под *концептуальные категории*. Познание новых явлений мира есть в значительной степени процесс концептуализации и категоризации.

Концепт — минимальная единица знания, локализованная в памяти человека. Благодаря непрекращающемуся обмену знаниями между людьми концепт из индивидуального, личного образования становится надличностным знанием, а коллективное знание, в свою очередь, вносит коррективы в содержание личностного знания [16, с. 14–20]. И.П. и А.А. Сусовы в вопросе об инварианте значения и его вариативности придерживаются мнения, что пределы содержательного варьирования концепта столь же огромны, как беспредельно многообразие самой жизни. Но во всех своих вариантах концепт тем не менее ориентирован на понятие, как свой инвариант. Различия между понятием и концептом нужно видеть прежде всего в интенционале (то есть содержании, наборе релевантных признаков). Релевантность того или иного признака, его акцентированность, определяется:

- во-первых, уровнями объективированности знания, отвлечения от субъективных факторов (более высокой степенью для понятия и меньшей — для концепта);
- во-вторых, сферой функционирования (более широкой, в идеале общечеловеческой для понятия и более узкой, личной либо групповой, социоэтнокультурной для концепта).

К установлению инвентаря понятий ведет логический / теоретический анализ, предполагающий строгую методику верификации знания. Выявлению инвентаря концептов и их структуры способствуют, с одной стороны, эксперименты психологов и социологов, а с другой стороны, лингвистический анализ языковых фактов в разных вербальных контекстах и условиях общения. Концепты распознаются в основном в ходе эмпирических исследований: либо в итоге психологических и социологических экспериментов, либо в лингвистическом анализе языковых фактов. Верификации концептов служит обычный житейский опыт. Термины *понятие* и *концепт* часто могут взаимозаменяться, если нет особой необходимости в их дифференциации. К тому же научная и «народная» картины мира взаимопроницаемы [16, с. 17–18].

Таким образом, инвариантом значения Сусовы называют понятие, на которое концепт во всех своих вариантах ориентирован, а в качестве критерия различия понятия и концепта предлагается учитывать дихотомию научной и наивной картин мира. Кроме этого они четко разграничивают концепт и понятие, с одной стороны, представляющие собой ментальные и психофизиологические субстраты значения и, с другой стороны, семантемы. Семантема в отличие от концепта и поня-

тия принадлежит уже языку и может включать в свой состав помимо концептуального ядра различные коннотации, в том числе и прагматические компоненты. Если учитывать основное положение когнитивной лингвистики, что концепты — это схваченные языковыми знаками (соответственно, и языковыми значениями как означаемыми знаков) фрагменты когнитивной (ментальной) сферы (концептуальной картины мира), то представляется некорректным говорить о «лексических, грамматических, синтаксических» концептах, что встречается, к сожалению, во многих статьях по когнитивной лингвистике, так как понятия и концепты по сути не являются знаками. Концептуальная картина мира объективируется, воплощается в языке, служит его субстратом и открывается через язык, языковые значения. Анализируя их, можно моделировать понятия и концепты, основываясь на самой главной когнитивной операции — интерпретации — и используя методы, разработанные в традиционной лингвистике: контекстуальный анализ (корпусная лингвистика) и компонентный.

Закончить проведенный критический обзор различных точек зрения на такие фундаментальные понятия современной языковой теории, как «инвариант значения», «прототип», «понятие», «концепт», «категоризация», «концептуализация», мы хотим, процитировав М.В. Зеликова, который ссылается на Э. Косериу: «...семантика прототипов, выделяющая не значения, а концепты, в общем игнорирует различие между функциональным единством и вариантами и даже между системой и нормой, в то время как структурная семантика сначала устанавливает семантические единства, противопоставленные друг другу, а затем изучает норму и вариативность... Сокращенное значение "meaning" семантики прототипов — не более чем то же семантическое единство, реализованное в вариантах, обладающих меньшим числом отличительных черт. Структурная семантика обращает внимание на то, что неточными и размытыми обычно являются не границы между ментальными категориями (концептами и означаемыми), а границы между объектами (классами вещей и означаемых фактов)» [6, с. 11 — 12].

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М., 2002.
2. Боярская Е.Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура. Калининград, 2011.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64 — 72.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
5. Заботкина В.И. К вопросу о динамической концептуальной семантике. Калининград, 2005.
6. Зеликов М.В. Основные вопросы когнитивной грамматики в контексте проблем традиционного языкознания. Калининград, 2005.
7. Иеронова И.Ю. Теоретическая лингвистика Г. Гийома и ее значение для научной парадигмы знаний о языке XXI века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 88 — 94.

8. Иеронова И.Ю., Прозорова М.И. Язык как система миропонимания в концепции А.Ф. Лосева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2011. Вып. 2. С. 149–158.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
10. Куссе Х. Семантика интерпретации А.Ф. Лосева и семантические теории в XX веке // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13, №2. С. 295–302.
11. Лосев А.Ф. Языковая структура : учеб. пособ. М., 1983.
12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Миф, число, сущность. М., 1994.
13. Лосев А.Ф. Философия имени. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
14. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 342–420.
15. Родионова А.Е. Диалектика формы и значения слова по «Философии имени» А.Ф. Лосева. Уфа, 2005.
16. Сусов А.А., Сусов И.П. Размышления о концептах // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Харків, 2006. Вип. 49. №726. С. 14–20.
17. Auburger L. Sprachvarianten und ihr Status in den Sprachsystemen. Hildesheim ; Zürich ; N. Y. ; Olms, 1993.
18. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
19. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, 1987. Vol. 1.
20. Posner R. Pragmatics // Semiotics: a handbook on the sign-theoretic foundations of nature and culture. Berlin ; N. Y., 1997. Bd. 1. S. 219–246.
21. Roch E. Natural categories // Cognitive psychology. 1973. Vol. 7. P. 328–350.
22. Wierzbicka A. Prototypes saves: on the uses and abuses of the notion of prototype in linguistics and related fields // Meaning and prototypes: studies in linguistic categorization. N. Y., 1990. P. 347–367.

Об авторах

Ирина Юрьевна Иеронова – д-р пед. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: iieronova@kantiana.ru

Марина Ивановна Прозорова – канд. пед. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: mprozorova@kantiana.ru

About authors

Irina Ieronova – PhD, professor, I. Kant Baltic Federal University.

E-mail: iieronova@kantiana.ru

Marina Prozorova – PhD, associate professor, I. Kant Baltic Federal University.

E-mail: mprozorova@kantiana.ru